

Джалиль Киекбаев

ЗУБАЙ УТЯГУЛОВ

Герои Советского Союза

Герои Советского Союза

Герой Советского Союза
ЗУБАЙ УТЯГУЛОВ

Джалиль Киекбаев

ЗУБАЙ УТЯГУЛОВ

О черк

Перевел с башкирского
С. Воробьев

Уфа
Башкирское книжное издательство
1987

К $\frac{4803010200-68}{M121(03)-87}$ 138-87

84 Баш

© Башкирское книжное издательство, 1987

Еще не рассвело полностью, вороны с ночи низко кружились над аулом, а Зубай был уже на ногах. Выпив утреннего чая, закинув за спину довольно увесистую котомку, вышел он за околицу, поднялся на гору. Как только перешел ее хребет, деревня Бакый скрылась, ее заслонили сосны и ели. Селенье осталось лежать в распадке.

Молоденький путник с поклажей за плечами шагает себе да шагает. А в голове его рождаются и исчезают разные мысли. И только одна из них упорно возвращается. Учиться, учиться! Ни на что не глядя надо учиться...

Ладно еще, старик наконец-то отпустил. Ведь поначалу ни в какую не соглашался. Поговорку вспомнил: если я стану муллой и ты станешь муллой, кто же даст сено лошадям?.. Мол, хватит и того, что старший сын ученый.

А что мне учеба брата. Брат сам по себе, я сам. Хорошо, хоть мать встала за меня.

Добравшись до вершины очередной горы, Зубай, сняв котомку, сел на поваленное дерево. На схожую с полем равнину от Бакыя до Макара* одна дорога,

* Б а к ы й, М а к а р — название населенных пунктов Бакеево, Макарово.

только через этот перевал. Долина раскинулась, словно потеснив горбатые кремневые горы, прижавшись к которым и стоит село. Это и есть, наверное, то, что называют Санкуй, решил про себя Зубай. Видать, раньше по этой долине всегда ездили на лыжах. От этого и осталось название.

Взору его предстала совершенно незнакомая картина. Вдали, насколько хватает глаз, лежат переливаясь волнами, густотравные луга, еще дальше по горизонту — синие хребты гор. Далеко-далеко окутанная дымкой знаменитая Торатау, вершина ее — как копна на лугу. Правее — горбатый Куштау*. Чуть ближе абсолютно безлесые горы выставили свои лбы на юг, сами они точно исполнены, у которых обриты головы.

Зубаю, с самого рождения привыкшему к сосновым и еловым лесам, равнинный пейзаж показался, конечно же, в диковинку. Не замечая времени, он долго сидел, разглядывая долину.

С того часу, как вышел в путь, прошло немало времени. Ноги устали, да и под кушаком малость поослабло. Впору подкрепиться. Развязав мешок, достал ржаную горбушку, не разламывая, начал есть, отхватывая хлеб зубами. А взгляд все не отрывается от долины. Нет, этот край не то что окрестности Бакыя. Здесь покатые, плотно прилипшие к земле горы. Даже эхо в лесу не то, звук слабее. И лес не так густ, там и сям его обкорнали, одни деревья спилив, у других пообрубив ветви — мелкий дубняк, березы да приземистые корявые липы. Между ними, правда, непроходимые дебри, но соснами и елями даже не пахнет.

Путник еще не раз, озираясь кругом, припом-

* Торатау, Куштау — местные названия горных вершин на Урале.

нил родные леса и горы. Где же теперь они! Как далеко вы, гордые, уходящие вершинами за тучи Алатау, Калу, Ялмардак, вдающийся мысом в воды реки Езем. Где горбатая гора Эвердек? Где скачущие меж камней, огибающие горные мысы воды Шешепека?

Эх, свои края — красота одна! — думает Зубай.

Когда он спустился в долину, то свернул влево и пошел проселочной дорогой, бегущей по склону. Шел не так уж и долго, впереди начиналось село. Это Макарово, волостной центр.

Село прижалось одним боком к горе Сельтербай. С южной его окраины течет река Хикеды. По ту сторону ее — хлебное поле, пахотная земля. Посредине села шоссе. Вдоль него шагают телеграфные столбы. Есть довольно крупные дома, крыши у них под железом, каменные есть дома, каменные лавки.

Оставшийся где-то в горах родной Бакый показался Зубаю на этом фоне таким маленьким аулом.

В дальнем конце улицы виднелось большое, с железной крышей здание. Известная в округе Макаровская рабочая школа второй ступени. В те времена многие хотели бы в ней учиться...

Вспомнив напутствие отца, Зубай без особого труда разыскал нужный ему дом. Дом этот стоял напротив базара. Отец всегда ночевал там, когда приходилось по делам бывать в волостном центре. Хозяин дома — знакомый отца.

Когда Зубай вошел, в избе чаевничали. Видно было, что хозяева расслабились, отдыхали. С ними сидел гость. Он был помоложе, чувствовал себя стесненно, похоже, это их сосед.

Зубай с порога поздоровался, однако пройти дальше не решился. Пусть пригласят сначала.

— Давай, братишка, проходи. Что так стесняешься? И котомку свою снимай.

Только после этих слов хозяина Зубай опустился на хике* возле двери.

— Чей этот паренек? — спросил мужчина, что помоложе хозяина.

— Это егет** Тухват-агая из Бакыя. Зовут его Зубай. Будет здесь ходить в школу.

— Вон оно что. Учиться, значит, будешь, мырдам***?

— Ну как поживает твой отец, с чем приедет в этом году?

— Дома остался. Сказал, что пойдет в верховья Идели.

— Халля!

— Что ж, забот, видать, у него много, пусть ходит, у каждого свои дела, — заключил тот, что помоложе, отпивая чай из блюдечка.

Тем временем жена хозяина достала совочком из очага горящих углей, обновила самовар и, раздув в нем огонь голенищем старого сапога, поставила трубу.

— Айда, гость, чай пить, проголодался, наверно...

На другой день, встав спозаранку, Зубай отправился в школу. Когда пришел, там никого еще не было. Внутри здания громко отдается каждый шаг. В длинном коридоре только двое малышей. Наверное, дети здешних учителей, подумал Зубай.

* Хике — широкая деревянная лавка наподобие низких нар, зачастую служит у башкир как кровать, днем на хике складывают постельные принадлежности.

** Егет — парень (башк.).

*** Мырдам — обращение к подростку (башк.).

По обеим сторонам коридора классы, некоторые классные двери наполовину приоткрыты.

Он подошел к одной из них, просунувшись, заглянул внутрь, комната большая, во всю ее длину три ряда окрашенных в желтое двухместных парт. Если сесть за парту, впереди — классная доска, она вертится, исписав одну сторону, тут же можно писать на другой.

Зубай постоял чуток, вышел в коридор.

Спустя минуту в школу стали являться первые ученики. Вот группа мальчишек. Они чувствуют себя как дома: смеются, громко разговаривают. Один походя дернул дверь учительской комнаты. Та оказалась запертой.

— Не пришли еще! — крикнул мальчик. И вслед за остальными юркнул в одну из классных дверей.

Зубай решил посмотреть, чем они там занимаются.

Трое мальчишек, стоя у классной доски, что-то бурно обсуждали. Похоже, они решали математические примеры. Зубай стал наблюдать за ними.

— Ну-ка умножь пятьдесят на пятьдесят, сколько будет? — сказал один из мальчишек другому. Тот, к которому обращались (он был повыше ростом), взял мел и стал писать на доске. Задавший пример мальчишка тем временем на другом конце доски тоже записал свое решение. Сравнив ответы, он не без хвастовства вскрикнул:

— Эх, ты! С подобными задачами никогда так не возись. Вот если умножить пять на пять, сколько получится? Двадцать пять. Так? А эти два нуля приписываешь, и все. Выходит, две тысячи пятьсот!

Уловив нотки заносчивости в голосе коротышки, Зубай чуть не рассмеялся. Пожалуй, стоит малость сбить с него спесь, решил он. Задам-ка один пустяковый пример.

Когда Утягулов подошел к доске, все повернулись к нему.

— Если вы такие прыткие, — сказал он, — решите одну задачку. Но с условием: дать ответ, пока я сосчитаю до трех.

— Ну-ну...

— Полторы коробки спичек стоят полторы копейки, сколько будут стоить десять коробков? Раз, два, три...

— Пятнадцать копеек! — выдал мальчик-коротыш.

— Хе-е, попал пальцем в небо.

— А как?

— Так. Раз полторы коробки стоят полторы копейки, выходит, одна коробка стоит копейку.

— Э, действительно, десять же копеек будет, — сказал коротышка уже повежливей.

— Какой интересный пример, а? Какой-нибудь еще такой же давай, — загорелись его товарищи.

— Ладно. — Зубай решил задать им еще одну задачку. — Только вы не решите, эта посложнее будет.

— Говори давай.

— Представьте себе, гора стоит. Высота двадцать метров. Гора довольно крутая. На вершину ее лезет черепаха. В день она поднимается на пять метров. А ночью, когда спит, втянув ноги под панцирь, съезжает на четыре метра вниз. За сколько дней черепаха доберется до вершины горы?

Мальчишки выслушали его, раскрыв рты, задумались.

— Значит, получается, черепаха в день поднимается на метр, так ведь?

— Так, — сказал Зубай.

— Если так, то за двадцать дней она и залезет на гору, это ж слепому ясно.

— Нет.

— За пятнадцать дней, — сказал коротышка, немного подумав.

— За пятнадцать дней черепаха поднимется только на пятнадцать метров, — возразил Зубай.

— За сколько же, в самом деле?

— Вот додумайтесь сами...

И так, и этак пробовали мальчишки решить задачу, но ничего у них не получалось. Они даже нарисовали на доске гору и разбили линию склона на двадцать равных частей, однако ответ выходил тот же — двадцать дней.

— Я же говорил, не сможете решить, — усмехнулся Зубай. — Сказать, как правильно?

— Давай, чего уж там... — Мальчишки обступили Зубая.

— За шестнадцать дней поднимется.

— Как за шестнадцать?

— А так. За пятнадцать черепаха влезет на пятнадцать метров. В шестнадцатый день еще на пять и окажется как раз на вершине горы. Вершина-то ровная, черепаха уже не сползет вниз.

— Действительно ведь так. Верно. — В глазах мальчишек мелькало теперь неподдельное любопытство: откуда взялся этот «математик»? Они больше не просили Зубая задавать им примеры. И он, словно победивший на майдане борец, отойдя от них, сел за парту.

А коротышка, чтобы как-то сгладить свое поражение, сказал:

— Моя очередь задавать. Решим-ка пример на дробь. Ну?

Тот, что был повыше ростом, взял мел.

— Три целых, две пятых отнять...

— Отнять? — низенький чему-то ухмыльнулся. — Из кармана Шарая горсть семечек! Сколь-

ко останется?— Тут третий, тихонько зайдя к нему со спины, ловко выхватил из кармана коротышки эти самые семечки. И побежал.

Они стали гоняться друг за другом, прыгая через парты.

Зубай, усмехаясь, наблюдал за их догонялками. Веселые, оказывается, егеты. Но тут на шум пришла сторожиха, и мальчишек как ветром выдуло из класса.

Коридор школы заполнялся. Появились другие мальчишки и девчонки, пришедшие на занятия. Женщина-сторож наконец открыла ключом кабинет заведующего. Поджидавшие у двери два учителя, разговаривая на ходу, вошли гуда.

— Заведующий вон тот будет,— указал на одного из них мальчик, что был повыше, с которым Зубай недавно решал задачки.

Стесняясь, вошел Зубай в канцелярию.

— Как твоя фамилия?— Достав большую конторскую книгу, заведующий стал листать ее.

— Утягулов.

Учитель помоложе, сидевший рядом с заведующим, сказал:

— Кажется, помню эту фамилию. Он был принят в школу.

Заведующий пристальнее глянул на новенького ученика, поправив в журнале его фамилию, подтвердил:

— Утягулов Зубайдулла. Да, действительно принят.

Обрадованный, что так легко окончились все формальности, Зубай вышел. С появлением его в коридоре обступили мальчишки. Весть о том, что этот новенький щелкает задачки, как орехи, уже дошла до них.

— Ну как?— спросил кто-то участливо.

— Приняли,— сказал Зубай улыбаясь.

Сам он рад до небес. Радость не умещается в нем. Вот он вернется в Бакый, выучившись. Сверстники будут смотреть на него с завистью. Да и аулчане постарше — с уважением. Деревенский учитель полюбит его еще крепче... Теперь главное — с головой уйти в учебу. Вот мечта Зубая.

В школе шум, гвалт. В коридоре суетятся вновь прибывшие учиться из далеких аулов. Они не перестают снова, то входя, то выходя из канцелярии. В учительской опрятно одетые в строгие костюмы учителя, переглядываясь друг с другом, задают новеньким вопросы, совещаются между собой.

Зубай Утягулов теперь уже полноправный ученик Макаровской школы. Перед ним открыт чудесный мир знаний. Словно по склону горы Калу, поднимается он все выше и выше, познавая этот мир. Его жизнь отныне воедино слита с судьбой сотен, тысяч таких же, как он, мальчишек, башкир и русских.

Быстро привык Зубай к школьному ритму. Зимой упорная учеба, а летом долгожданные каникулы. Затем — скорей в родной аул. Тот же распорядок был и в институте.

Двух-трехмесячный отдых пролетает, не успеешь сказать «ах», а тут и осень близка... И снова учеба.

Так шло до 1939 года. В этот год летом Зубай Утягулов получил диплом о высшем образовании: окончил факультет языка и литературы Башкирского государственного педагогического института. Началась его самостоятельная жизнь.

...Весть о войне против немецко-фашистских захватчиков, об общей мобилизации по всей стране дошла до Зубая Утягулова, когда преподавал башкирский язык и литературу в одной из средних школ Мелеузовского района.

●

Почему учитель как никто ждет лета? Всю долгую осень и зиму он работает до изнеможения — учит. Ночей иногда не спит, сидит, готовится к занятиям, проверяет ученические тетради, контрольные задания, исправляет в них ошибки. Полно и другой работы. Любая общественная кампания, выпуск стенных газет, боевых листков, чтение докладов на злобу дня — ни одно это дело на селе не проходит без участия учителей. Короче, работы по горло, самой разной и помимо преподавания. Ведь в сельской местности учителя — самая передовая, сознательная сила. Все пристально смотрят на учителя.

Учитель мечтает о лете, можно сказать, всю зиму. И когда подуют весенние ветры, когда снег становится пегим, он начинает строить планы на лето.

И вот у учеников приняты последние экзамены. У учителя будто гора с плеч. Он дышит свободнее. Настроение славное.

Чаще всего сельский учитель мечтает во время летнего отпуска поехать в город. Там он учился, проникся городской культурой. В городе у него, как правило, много знакомых, друзей, тех, с кем когда-то свел студенческий быт. Там каждый вечер кино, можно вволю походить по театрам, паркам... И учитель ходит себе, не торопясь. Нет ни срочного дела у него, ни экзаменов.

Лето, лето! Кто ж не любит живописного лета, кто не ждет его, томясь и маясь. Лета не бранит никто. Всем оно пригоже. И красиво, и тепло, и благодатно бывает лето. Не успеешь и заметить, как оно проходит. Не зря поет народ:

Не успел узнать, не успел заметить,
Как в кустах кривой черемушки
Спел соловей о лете..

Лето 1941 года Зубай Утягулов встретил радостно. О, планы у него были грандиозные...

Вернувшись за полночь с прощального вечера, на котором расстался со своими выпускниками, он лег спать. Однако сон не шел. Сердце колотится, прыгает, дыбится. Учитель вертится в постели. В комнате ни звука. Хозяева квартиры крепко спят в соседней половине. За печкой где-то благостно цвиркает сверчок. Размеренно тикают на стене ходики с гилями. Душно.

Зубай вышел на улицу. Здесь было гораздо свежее. Он немного посидел у дверей.

Над селом ясная-ясная ночь. Но краешек горизонта на востоке уже чуть пламенеет. Скоро солнце взойдет. А пока же в небе, словно жемчуг, рассыпаны звездочки.

В голову лезут разные мысли. Вот скоро родится еще один день, думает Зубай. Он обзрывает небо. Где же Полярная Звезда? А, вот она, оказывается... Он, откинувшись, задирает голову вверх. Вот Стожары, ковш Большой Медведицы, Венера.

Но все его думы опять о Дине. Это девушка, которую он полюбил. Завтра воскресенье, день отдыха. Отпускные деньги получить не удастся. Ладно, получим послезавтра. Все равно невозможно уехать сегодня же. Но через день он точно уже, невзирая ни на что, поедет в райцентр, оттуда автобусом в Стерлитамак... И — вдвоем на поезде напрямиком в Уфу.

В Уфу в этом году он поедет не просто так, как в обычный отпуск. Женихом, дорогим гостем поедет. С нетерпением ждут в Уфе его с Диной, готовят свадьбу. Настрой у Зубая таков: погостив недельку в столице, обойдя театры, кино и парки, отправиться железной дорогой через Белорецк в Тукан, от Тукана же до аула Бакый рукой подать.

Бабушка Фаиза, мать Зубайдуллы, давно уже ждала сына со снохой. Все приготовила: наварила браги, откормила баранов. Разные думы передумала старая женщина. Какой она будет, невестка? Должно быть, как и сын, девушка ученая. Если и нрав у нее покладистый, то совсем хорошо. Лишь бы не капризная, не заносчивая оказалась. Да уж Зубай такую не выбрал бы. А интересно, видо-статью благовидна ли его суженая?..

Рухнули все планы Зубая. Не смог он поехать ни в Уфу, ни к матери.

Внезапное нападение фашистской Германии на Советский Союз искорежило судьбы и мечты не одного этого парня.

Война поставила перед всей необъятной Советской страной, перед народом совсем иные задачи: победить злого врага, разгромить его.

23 июня 1941 года Зубай Утягулов явился в районный военкомат. Он был первой категории запаса.

Эх, война, война! — думал он. В эти дни бродить бы с любимой по лугам, лесам, по берегу Агидели. Петь бы песни любви, оглашая горы и долины. Но сейчас не то время, не те заботы. Сейчас главное прогнать немцев с родной земли, пролить их черную кровь. Вот уж после этого можно станет и петь, и гулять с любимой...

Парни из того села, где работал учителем Зубай, почти все ушли на фронт. Ушел с ними и Утягулов.

Бабушка Фаиза все еще жила надеждой, что сын ее вот-вот придет. Рассуждала по-своему: такого ученого человека, как ее Зубай, разве отправят в армию? Вот учителей из Бакыя всех оставили пока. Выучившиеся, грамотные люди и в преж-

нюю германскую войну не ходили на фронт. Если уйдет Зубайдулла, кто вместо него станет учить детей?

Писем от Зубая никаких не было. И бабушка Фаиза скоро стала беспокоиться. Каждое утро рассказывала соседкам, что ей снилось. Может, растолкуют, нет ли каких дурных предзнаменований... Успокаивали ее соседи, мол, все нормально, вскоре обязательно получит она весточку от сына...

И письмо, к удивлению многих, действительно пришло. Было оно коротким:

«Дорогая мама,— сообщалось в нем.— С большим волнением посылаю тебе свой салям. Передай также привет Губайдулле-агаю со снохой. В настоящее время я призван в армию, учусь в военной школе. Вскоре и мы уходим на фронт. Вот такой оборот: не удалось приехать в родные места. Если надумаешь ехать в Уфу, ни о чем не думай, напрямик иди и останавливайся у своей невестки... Адрес ее такой-то (Зубай в письме сообщал адрес своей жены). Пока. До нашего свидания. Оставайтесь все в добром здравии и благополучии. Твой сын Зубай».

Очень обрадовалась бабушка Фаиза этому письму. И тотчас попросила соседей написать с ее слов ответ сыну.

Прибыв на фронт, Зубай Утягулов был зачислен в энский гвардейский полк, расположившийся в непосредственной близости от переднего края. Новичка направили в роту лейтенанта Ликунова.

Рота эта занимала небольшой украинский хутор. Немцы уже побывали здесь. Но их выбили отсюда. Отступая, фашисты сожгли хутор, редко ка-

кой дом уцелел от пожара. Некоторые хаты сгорели полностью, только черные остовы печных труб напоминали, что здесь когда-то жили люди. У других домов сгорели крыши, остались только стены. Но и на них видны черные обугленные места, вылизанные пламенем.

Вернувшиеся в хутор жители целый день с раннего утра пробуют хоть как-то обустроиться на пожарищах. Раскатывают на бревна полусгоревшие хаты, соединяют обугленные снаружи стены, стелят на крыши солому,нося ее на себе вязанками прямо с поля. Солдаты чем могут помогают погорельцам.

Некоторые из женщин-колхозниц разводят костры во дворах: надо варить обед работникам.

Зубай Утягулов зашел в один из таких дворов. Там увидел пожилую украинку. Из кирпичных обломков она сложила возле двери в хату нечто вроде очага, поставила на него казанок и пытается развести огонь.

Посмотрев на ее мучения, Утягулов сказал:

— Дайте я вам помогу.— И взяв лежавшую рядом сучковатую палку, живо соорудил из нее крюк над очагом. На это устройство повесил казанок.— Вот теперь зажигайте...

— В самом деле — удобнее. Спасибо,— сказала женщина.— А ты, солдат, видно, из крестьян.

— Сельский я,— подтвердил Зубай.

— Чтоб земля проглотила этих фрицев! Убивать да сжигать — вот их «работа». Сущие звери — все жилища порушили. Увидеть бы мне, как они издохнут!..

— Ничего, тетка, увидишь, обязательно увидишь,— заверил Утягулов.

Мальчишки, игравшие неподалеку, слепили из снега человеческую фигуру, надели на нее немец-

кую каску, а сами, отойдя, принялись спорить, кто первым попадет в «фашиста». Один из «стрелков» снежком сшиб-таки каску. Все громко засмеялись.

— Грицко!— крикнул мальчик постарше.— Надень-ка ее снова. Я ему сейчас башку шибу. Смотрите!

И ребятишки все вместе стали швырять в «немца» снежками.

Утягулов понаблюдал сколько-то за их игрой. Потом двинулся дальше.

В мало-мальски сохранившихся домах хутора поселились по две-три семьи колхозников. И здесь, теснясь и хлопоча, тоже шла своя жизнь.

Председателем колхоза оказался бодрый и шустрый дед. Собрав в одной из хат оставшихся в живых женщин и стариков, обсуждал с ними, как поднимать хозяйство на ноги.

В белеющем поодаль доме разместился командир роты Ликунов.

Как-то раз вызвал он к себе командира взвода Рубцова:

— Скажи, взводный, что за личность твой новенький боец Утягулов?

— Утягулов?— переспросил тот.— Утягулов, товарищ лейтенант, самый ученый человек нашего взвода. Окончил институт, по профессии учитель. До войны работал преподавателем языка. По национальности башкир.

Ротный взглянул зачем-то на свои ручные часы.

— В таком случае пришли его ко мне завтра в восемь ноль-ноль.

— Есть прислать в восемь ноль-ноль.

Когда Рубцов вышел, командир роты лег на де-

ревянную кровать в углу хаты. Положил обе руки под голову, чтобы удобнее было думать.

День клонился к сумеркам, начинало темнеть. Хозяйка хаты засветила лампу. Ликунов уставился глазами в одну точку...

Когда началась война, ему оставался всего год до окончания Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Предстояла лишь дипломная практика. И потом он — инженер!

Да, думал Ликунов, к этому времени, получив диплом, я, может быть, уже работал бы инженером в каком-нибудь депо. Вон Утягулов — рядовой боец, а диплом у него есть. Правда, институт он окончил, вероятно, давно... И у меня был бы диплом, если б не эта проклятая война. Может, к этому времени и невесту сосватал бы... Тьфу, что за мысли лезут в голову...

Ликунов улыбнулся, вспомнив байку, которую слышал еще до войны.

Один охотник, увидев спящего зайца, стал прикидывать, что он будет делать, когда застрелит его: как снимет шкуру, снесет на базар да продаст, да что на эти деньги купит. А пока он так раздумывал, заяц, говорят, проснулся и ускакал.

Точно так же и я размечтался.

А если серьезно? Чего не хватает этому вояке Гитлеру?

Хлеба не хватает — раз, нефти не хватает — два, каменного угля — три, земли не хватает — четыре...

У Льва Толстого рассказ есть, называется «Много ли человеку земли надо». Оказывается, совсем немного, всего несколько аршин.

Выделим мы Гитлеру эти аршины, обязательно выделим — на могилку!

Война — продолжение политики, но другими средствами. Сказал, кажется, Клаузевиц.

Постой, постой, другой немец, Бисмарк, еще сто лет назад сказал иное: «Если среди союзников, воюющих против Германии, будет Россия, Германия в этой войне обречена на поражение».

Так оно и будет!

На завтрак старуха-хозяйка сварила Ликунову картошку в «мундире». Из чугунок валил пар, когда она ставила его на стол. К картошке раздобыла где-то соленых огурцов. Лейтенант удивился:

— Как это фрицы не съели твои огурцы, бабка...

— Чтоб они камнем подавились, ироды! Всех курок моих сожрали, воры, поросенка слопали. Кажен день несли яйца мои хохлатки. А уж картоху да огурцы сховала я от клятущих. О господи, почему не побьешь ты всех этих выродков!

— Не горюйте, бабуся. Проклятьем Божиим фашиста не побьешь. Зато от нас, от Красной Армии, ему уже достается. Капут скоро будет всем им.

В дверь постучали. Ликунов крикнул: войдите!

— Здравия желаю, товарищ лейтенант. Боец Утягулов по вашему приказанию прибыл.

— Ну, боец Утягулов, как идут дела?

— Спасибо, хорошо.

Ликунов пригласил вошедшего к столу. Зубай очень удивился, что командир обращается с ним так запросто, стеснительно присел на табурет с краю.

— Кто у вас из родных остался на родине?

— Мать, жена.

— Еще?

— М-м... и малайка есть один... — Утягулов слегка покраснел. И от цепкого взора Ликунова не укрылось это.

— Что вы стесняетесь. Да будь у меня сын, я бы от радости плясал... А письма идут из дому?

— Идут, товарищ лейтенант.

— Так,— сказал Ликунов с растяжкой.— Говорят, вы институт закончили.

— Так точно.

— Немецкий язык изучали?

— Учил. Да забывается теперь... А вас разве не учили, товарищ лейтенант?

— Я английский проходил. Ну вот что... — Ликунов достал из своей полевой сумки небольшой томик и протянул его Утягулову.— Это русско-немецкий военный словарь. Изучите его. Очень скоро вы мне понадобится.

Зубай некоторое время смотрел на Ликунова в ожидании, не будет ли еще каких указаний. Но командир роты молча принялся за оставленный завтрак. И Утягулов, встав и по-военному четко повернувшись на каблуках, вышел из хаты.

По возвращении во взвод Зубай с головой ушел в изучение немецкого языка, начал припоминать то, чему обучался в институте. Командир взвода других работ ему не поручал.

Однажды во время таких занятий внимание его привлек шум-гам, начавшийся на улице. Раскрыв окно, Зубай услышал голоса ребятишек, выкрики и ругань женщин.

Уж не немцы ли приближаются к хутору?— мелькнула мысль. Но когда разглядел пристальнее двигавшуюся толпу, от сердца отлегло. Наши бойцы вели в штаб группу военнопленных.

Фашистов почти не видно, жители хутора вплотную обступили их со всех сторон. Дети кричат что-то, женщины неистово проклинаят:

— Вон тот долговязый изнасиловал мою дочку!..

— А этот, который рядом, спалил мою хату. Теперь попался, сукин сын. Дайте ему как надо!

Пленные слишком легко одеты. Хотя на дворе зима, на ногах у них изношенная обувь. Судя по форме и нашивкам, это рядовые солдаты. Свесив головы, они понуро шагают по улице. И спереди, и сзади, и по бокам — с автоматами на ремнях советские бойцы. Конвой.

Утягулов внимательно вглядывается в лица пленных. И гнев распирает его. Непроизвольно вырвалось:

— Довоевались, гансы несчастные!

Сунув словарь в карман гимнастерки, Зубай скорее вышел на улицу.

Когда Утягулов добежал до штаба, пленные уже находились там.

Скоро начнется допрос, а пока Зубай впервые так близко рассматривает иноземных «гостей». Замечает, с какой жадностью смотрят они на коробку папирос, лежащую на столе начальника штаба. Курить хотят, сволочи. Начальник штаба, кажется, тоже догадался: поглядывает то на папиросы, то на пленных.

— Дело табак, видать, у Гитлера,— ехидно бросает он.— Ладно, пусть курят.

С ошеломляющей быстротой, ничего, кроме брезгливости не вызывающей, пленные разбирают курево, пытаются заговорить по-русски:

— Рус есть карошо. Гитлер есть плёх...

— Видно, до сегодняшнего дня они не знали, что их фюрер плохой человек. А вот сейчас, когда попались, узнали.— Голос начальника штаба серьезен и суров.

Весь облик пленных — выражение страха. А улыбки выдают желание угодить.

Утягулов из-за стола смотрит исподлобья на то, как кривляются некоторые гитлеровские вояки: эти заглядывают в глаза русскому военачальнику, встают с места, когда он бросает взгляд в их сторону. Кого хотят провести эти лисы, думает Зубай.

На ломаном русском пленные что-то объясняют, но у них это плохо получается. К тому же они явно стесняются его, Зубая Утягулова, видимо, недоумевая, почему рядом с большим начальником сидит простой солдат.

— Скажи им, — обратился начальник штаба к Утягулову, — пусть говорят по-немецки. А то ни черта не знают русского, а туда же... Сначала пусть расскажут, из какой они части, назовут имена и фамилии...

Зубай перевел слова командира.

Услышав от рядового солдата немецкую речь, пленные переглянулись. Один из них тут же ответил:

— Их бин Вальтер Фишер аус дриттер компани эльфтен флюгабверегементс.

— Это Вальтер Фишер, — сказал Зубай. — Он из третьей роты одиннадцатого зенитного полка.

— Унзер регемент вар ин Франкрайх айнквэ тирт.

— Говорит, их полк стоял во Франции.

— А сейчас где этот полк?

Когда Утягулов перевел этот вопрос начальника штаба на немецкий, пленный опустил голову:

— Дас регемент ист нидергешлаген. Эс блиб нур геген хундерт ман...

— Полк разбит, от него осталось всего около ста человек.

— Унд вир зинд фрайвиллихь цу ден руссен нубергегансен...— вступил в разговор другой пленный, даже не дождавшись, когда его спросят.

— Они по собственной воле перешли на сторону русских...

После этого признания военнопленные заговорили один за другим, наперебой. Каждый из них кричал, что он не виновен. Утягулов не успевал переводить их «откровения». И начальник штаба был вынужден призвать к порядку.

— Ойре артиллери! Дас ист шрэклихь!

— Наша артиллерия выпала им, как надо. Они говорят: ваша артиллерия страшная.

Один из допрашиваемых заметно отличался от других тем, что держал себя сдержанней и серьезней. Судя по разговору и манерам, подумал Зубай, этот и соврет — не сразу раскусишь. Когда пленный рассказал о пережитом и попытался даже обосновать, почему он попал в плен, Утягулов кратко перевел его монолог:

— Он говорит, что работал цирковым артистом в городе Любек. Как только Гитлер пришел к власти, оба его брата были арестованы и брошены в концентрационный лагерь за то, что состояли в социал-демократической партии. Один из братьев, заболев, там и скончался. Другой, бежав из концлагеря, стал подпольщиком. Агенты гестапо перерыли все, но не смогли его найти. Говорит еще, что его тоже допрашивали из-за брата, но он ничего не сказал, хотя и знал, где он. Потому что симпатизирует коммунистам и социал-демократам, ведущим в Германии подпольную деятельность. Впоследствии он слышал, что его брат, тот, которого разыскивало гестапо, скрылся в Швейцарии, а затем якобы уехал оттуда в Мексику. Судьба брата, как он считает, отразилась и на нем. Он был вынужден

несколько месяцев прожить в мучениях и лишениях, так как его нигде не принимали на работу. Хотя позднее его снова взяли в цирк, на арене выступать запретили. Поручали только разные мелкие работы. Затем отправили на фронт. На фронте же, по его словам, фашистские офицеры смеются над такими людьми, как циркачи, они вообще всячески издеваются над теми, кто до мобилизации занимался каким-либо интеллигентным трудом... Например, ему доверяли только самую грязную работу: носить воду на кухню, чистить конюшню, приказывали красть кур и поросят для офицеров. Ты, говорили ему, циркач, прыгать горазд, вот, мол, и бегай-прыгай. В конце концов, говорит, он не стерпел этих издевательств. Долгое время ждал удобного момента, чтобы перейти к русским. И вот во время одной из атак он якобы бросил оружие и перебежал в наши окопы.

Начальник штаба, выслушав переводчика, усмехнулся:

— Один из французов, которого звали Талейран, сказал: «Со штыком можно сделать все, только сесть на штык невозможно». Вот и этот — сесть на русский штык испугался. И сразу фантазия заработала... Ты спроси-ка у него, — обратился начальник штаба к Утягулову, кивая на пленного, — он случайно не состоял ли в Германской коммунистической партии?

— Варст ду нихт цуфелинг ин дер коммунистисчен партай дойчланс?

Пленный, не почувствовав подвоха, вполне серьезно ответил:

— Их вольте. Абер их вусте нихт, во ди зинд.

— Товарищ командир, — перевел Зубай, — он и вправду хотел, говорит, вступить в партию комму-

нистов. Но, дескать, не знал, где они и к кому обратиться...

Начальник штаба прямо расхохотался.

— Но-о! Хотел, оказывается, а?! Вот же беда, не знал!

Допрос был окончен. Пленных увели. От негодования начальник штаба закурил папиросу, бросил в ящик стола документы, изъятые у фашистов. Поправив лежащие на столе папки, сказал:

— Вот и поверь ему. Он даже в коммунистическую партию хотел вступить! Ведь вижу, врет в глаза, подлец, дескать, возмутишься или нет. А отпусти его, сегодня же ночью обязательно кого-нибудь зарежет и сбежит. А не сбежит сразу, так наверняка станет шпионить и ждать удобного случая для побега, чтобы снова воевать против нас. Нельзя верить ни одному слову фашиста!— До этого говоривший как бы сам с собой, начальник штаба повернулся вдруг к Утягулову:— Вот ты, Зубайдулла Утягулов, поверил ему или нет? Нет?! Это хорошо. Мы тебе доверили очень ответственную работу. Смотри в оба. И запомни: фашисту ни в коем случае не верь, как бы он ни исхищрялся. Сколько волка ни корми, он все равно в лес будет смотреть. Так говорят старики. А они знают, что к чему. Фашист зол и хитер. Но и мы не лыком шиты. Верить можно только мертвому фашисту.

Всю ночь бушевал буран.

Этот теплый буран с крупным мокрым снегом старики называют акман-токман. В буквальном смысле — кувыркающийся снег.

К рассвету буря поутихла. Легонько дует ветер, окопы перед блиндажом присыпало снегом. День теплый, хотя и сырой, облачный.

В блиндаже бойцы из подразделения гвардии лейтенанта Ликунова. Сам командир роты тоже здесь.

— В такую оттепель, когда были мальчишками, в снежки играли,—сказал соседу Зубай Утягулов — он только что вернулся из окопов.

Услышавший его слова, Ликунов оторвался от смотровой щели, пошутил:

— Зато теперь, когда взрослые стали, свинцом швыряемся...

Бойцы засмеялись.

Едва рассветало, немецкая артиллерия начала обстрел из поселка, который находится за станцией. С грохотом и воем рвутся снаряды и мины, падая вокруг блиндажа. Визжа и свистя, проносятся над головами осколки и пули. Когда они падают в рыхлый снег, раздаются глухие шлепки.

Рота лейтенанта Ликунова окопалась на опушке леса неподалеку от станции. Блиндаж был разбит, но бойцы на скорую руку починили его, сложив заново обрушившиеся бревна. Теперь здесь наблюдательный пункт.

Ликунов в бинокль через узенькую щель в блиндаже, оставленную специально для обозрения местности, следит за движением противника. Сквозь линзы видны несколько сосен, за ними железнодорожная станция. Сразу за ее зданиями и постройками — большой поселок. Он в руках немцев. Оттуда они и ведут артобстрел.

На железнодорожных путях стоит какой-то эшелон, заметно, как около вагонов снуют людские силуэты. Это фашисты. Их на станции, должно быть, немного, думает лейтенант. Основные силы в посел-

ке. Оттуда они и начнут атаку, как только закончится артподготовка. Пусть начинают, говорит себе Ликунов, опуская бинокль. Встреча будет, как полагается.

Его роте отдан приказ проникнуть в тыл к немцам. Но сначала необходимо захватить станцию, охрану эшелона уничтожить и действовать дальше...

— Началось!— Ликунов, оторвавшись от смотровой амбразуры, повернулся к бойцам.— Немцы двинулись по шоссе за поселком. Всем быть наготове!

Впереди отчетливо видно, как фашисты уходят из поселка.

Прекрасно, все идет, как и задумано. Теперь станцию можно брать голыми руками.

— Коли так, чего же медлим, товарищ командир? Устроим им небольшой сабантуй,— пошутил один из бойцов.

— Тише едешь,— возразил Утягулов,— дальше будешь. А поспешишь, людей насмешишь. Так говорят старики. С умом надо действовать.

— Правильно,— одобрил Ликунов.

— Пока умный думал, шустрый работу кончил. И так еще говорят старики,— парировал тот же сельчак.

— И это верно,— неожиданно согласился Ликунов.

Тут уж все рассмеялись, переглядываясь. Напряженность как рукой сняло.

Пройдя какой-то участок по шоссе, фашистские колонны спустились в низину и скрылись из виду. Вскоре послышалась яростная стрельба. Это означало, что наступавшие неожиданно наткнулись на скрытые заградительные позиции гвардейцев.

— Ну, ребята, пора!— сказал Ликунов.— Впереди станция. Наша задача — захватить ее как

можно внезапнее и двигаться в направлении поселка. До железнодорожного полотна идти по рву. Затем по эту сторону полотна ползком к станции. Атака — после моего сигнала.

Рота снялась с позиций. Пока железнодорожное полотно скрывало бойцов, немцы ни о чем не догадывались. А когда обнаружили, открыли огонь. Завязалась перестрелка.

Машинист стоявшего на путях состава, кажется, решил отогнать его назад, вглубь станции. Да ничего не вышло. Связкой гранат ликуновцы взорвали паровоз. Теперь можно было стрелять, укрываясь за вагонами, тем более, что около них за ночь успело намести сугробы, видно, эшелон прибыл на станцию еще в сумерках вечером.

Такая пальба — головы невозможно поднять. Пули легко, с хрустом прошивают стенки вагонов. А когда, тюкая, попадают в чугунные колеса, то сплющиваются и с отвратительным воем рикошетят.

Стоп. Надо действовать иначе.

Это Ликунов. Он вызвал взводного Рубцова и бойца Утягулова. Получив задание, они под вагонами должны пробраться к станции.

А немцы словно остервенели. Стреляют без остановки. Ликунов стал уже беспокоиться. Что же с Рубцовым и Утягуловым? Ушли и как в воду канули.

Вдруг в одном из станционных зданий раздался один за другим два взрыва. Слышно было, как со звоном посыпались оконные стекла. Молодцы, гвардейцы! На лице лейтенанта Ликунова выражение торжества. Он знает, кто выполнил его приказ...

Замолк наконец-то пулемет, не дававший поднять головы. И через пару минут, воспользовав-

шись замешательством врага, бойцы роты Ликунова ворвались на территорию станции, захватили вокзал и прилегающее к нему здание.

Поняв, что им угрожает окружение, гитлеровцы бросились удирать. Прячась за мелкими стационарными постройками, они еще рассеянно огрызаются автоматными очередями. Но это пальба вслепую. Ликуновцы же ведут прицельный огонь. То один, то другой фашист падают навзничь. Некоторые по ходу бега тычутся вниз лицом. Убежать многим не удалось.

Одна группа сдалась в плен, иные остались вповалку лежать на снегу.

— Утягулов! Эй, Утягулов!— зычным голосом кричит один из бойцов, конвоирующий пленных.— Айда принимай! Работы тебе прибавилось...

Кое-кто из гвардейцев, отирая пот со лба, улыбается. Ликунов тоже снял каску, щурится от белизны снега. В самом деле: пленных необходимо скорее допросить, чтобы действовать дальше наверняка. Но где же Рубцов с Утягуловым?..

В роте появились первые раненые. Санитары оказывают им помощь.

Рубцов и Утягулов вскоре сами разыскали командира роты. Не дослушав их донесения, Ликунов сказал:

— Вы настоящие гвардейцы. Молодцы! Жаль, нет в кармане орденов. Но я сегодня же напишу рапорт командованию о представлении к награде.

— Товарищ лейтенант!— Утягулов слегка покраснел от смущения.— Орден за то, что гранатой взорвал несколько фрицев...

— Нет, нет!— перебил его Ликунов.— Вы вполне достойны награды. И... это тебе, браток, не в снежки играть.

По данным разведки, в поселке за железнодорожной станцией — гарнизон немцев, их там до батальона, есть штаб. Ликунов уточнил это донесение у пленных. Те подтвердили.

Во время допроса один из пленных попросил, чтобы их фамилии не печатали в русских газетах.

— Это еще зачем?— удивился лейтенант, когда Утягулов перевел его просьбу.

— Вир зинд капут. Дойчланд геет цугрунде.

— Говорит: мы пропали. Германия катится в пропасть.

— Вот именно: в пропасть! Поняли наконец, сволочи,— сказал Ликунов.— Погодите, будет вам еще не такой капут...

Медлить дальше было нельзя. Командир роты отобрал группу бойцов, разъяснил стоящую перед ними задачу: ворваться в поселок и закрепиться там.

— Захватите с собой побольше боеприпасов.

Подозвав Рубцова, лейтенант поручил ему командование подразделением и приказал укрепиться на станции. Ему же одному открыл, что группе захвата, которую он возглавит, предстоит продержаться в поселке во что бы то ни стало до тех пор пока не подойдет подкрепление из полка.

Находясь около вражеского эшелона, бойцы не утерпели, заглянули в некоторые из вагонов. Там оказались боеприпасы. Вскрыв несколько ящиков стали переносить их в здание вокзала.

Ликунов, заметив это, крикнул:

— Кто разрешил?!

Один из бойцов, посмелее, сказал:

— Товарищ лейтенант! Так хотя оно усё трофейное, однако ж запас карман не тянет. Вот мы и подумали, зачем добру пропадать. Уж лучше эти

ящички сховаем у вокзале. А ежели что не так, извиняйте...

Командир смягчился.

— Ладно, забирайте. Запас действительно нужен.

Когда группа советских бойцов миновала мелкие постройку, что были за станционными путями, и вышла на открытую местность, из поселка, кажется, заметили ее.

От силы с километр пространство между станцией и поселком, но через минуту живого места не осталось на поле — такой плотный огонь из минометов открыли фашисты.

Поселок надежно защищен вкруговую несколькими рядами колючей проволоки. Маскируя ее, гитлеровцы навезли откуда-то горы прошлогодней соломы. И это препятствие надо пройти. По шоссе двигаться невозможно. Оно насквозь простреливается. Остается один способ — пробираться снежной целиной.

Тяжело ползти по сугробам. Но нет худа без добра. Сугробы скрывают от противника продвижение группы гвардейцев. К тому же по снегу можно спрямить путь.

Снег в нашу пользу, думает Ликунев. Да и дороги назад нет.

Пройдя незамеченной завалы соломы, группа оказалась перед проволочными заграждениями. Несколько гранат сделали свое дело. Через брешь, скрывшись за снежными вихрями, поднятыми взрывом, бойцы успели добежать до крайних домов.

Немцев вокруг, кажется, не видно. Ни орудий, ни минометов — тоже.

Ликунов размышлял так: лучше всего захватить три крайние хаты и засесть там. Да. Это, пожалуй, будет правильно. Но нет ли фрицев внутри домов? Его настораживали хозяйственные пристройки к хатам. От фашистов можно всякой пакости ждать...

Наконец лейтенант решил. Первой четверке он приказал занять дом с левого края. Второй — зайти справа. Сам он будет в среднем доме. Командир, лежа на снегу, показал, какие хаты он имеет в виду.

— Ты, ты, ты и боец Утягулов — со мной, — скомандовал он своей четверке. — Ворвемся с огорода!

— Есть, товарищ лейтенант!

— Вперед!

Неожиданно стрельба возобновилась. Когда бойцы поднялись и побежали, пули так и засвистали над их головами. Но все благополучно добрались до указанных командиром хат. Гвардейцы заняли намеченные рубежи.

Ликунов в своей четверке первым ворвался в дом. Следом за ним остальные. Дверей в сенях не было, а в избу — распахнута настежь. Внутри темно, потому что день облачный, слезливый, на окна налип снег. И совершенно пусто. Лишь в углу две железные койки да несколько развалившихся стульев. Правда, еще есть тумбочка и стол.

Утягулов, едва оглядевшись, воскликнул:

— Да ведь похоже, это школа! Во что же они ее превратили... в казарму! Скоты... — Возле печки заметил лучинки, отщепленные от классной доски. — Весь школьный инвентарь пожгли, собаки!..

Лейтенант Ликунов по характеру человек неугомонный, любит подзадорить других, каким бы серь-

езным ни было положение. Это поднимает дух бойцов. Но никто не ожидал на сей раз, что командир станет шутить. А он сказал:

— Ну, как говорится, кто первый на поминки пришел, тому выпивка, кто последний — тому закуска... Выбирайте себе места по вкусу.

Вдруг неподалеку грохнул взрыв. Ликунов, толкнув створки окна, высунулся наружу. Нет, это не в соседних домах. Из ближней хаты ему шапкой помахал один из бойцов. Ликунов ответил кивком.

— Там полный порядок, — сказал он, обернувшись.

— И у нас порядок, товарищ лейтенант, — откликнулся Зубай Утягулов. Он ловко примостился возле углового окна: сам на стуле, в руках автомат, вся улица перед ним. Отличное место для наблюдения.

— Ишь ты! — Ликунов оценивающе глянул на бойца, чему-то улыбнулся. — Как дома устроился.

Утягулов нашел, что ответить:

— Так ведь школа и есть мой основной дом, товарищ лейтенант. А в классе я обычно сидел именно вот так, у окна. Это у меня по привычке вышло. И сам не заметил, честное слово.

— Бывает такое...

— Немцы, товарищ командир! — вдруг крикнул кто-то из бойцов.

Действительно, между домами появились фигурки людей в черных шинелях. Направляются к школе.

Разговор оборвался. Лицо Ликунова посерьезнело.

— Приготовиться к бою! Стрелять только прицельно. Беречь каждый патрон.

— Есть!

— Огонь!

Тщательно, будто по мишеням в тире, прицелившись, бойцы по команде выстрелили. Из соседних домов их поддержали огнем. То тут, то там повалились в снег убитые фашисты. Ряды их на глазах поредели. И словно почуяв, что так их перещелкают как орехи, нападавшие развернулись, стали беспорядочно отступать.

Ликунов приказал прекратить стрельбу.

Когда Утягулов снял шапку, от нее царило. Взглянув на него, командир весело спросил:

— Ну как, товарищ учитель, прошел урок?

— Жарко было!

— Значит, хорошо подготовились.

Бойцы заулыбались. Один из них внезапно обернулся к Ликунову:

— Опять лезут!..

— Подпустим немного,— глянув на улицу, решил лейтенант.

Показавшись из-за дальних домов, немцы приближаются. Глубокий снег мешает идти. Они проваливаются в сугробы, что-то выкрикивают на ходу, но слов не слышно. Утягулов попытался сосчитать, сколько же их.

— На этот раз больше, товарищ лейтенант.

Но Ликунов хладнокровен.

— Ничего, пусть подходят ближе. Приготовьте пулемет к бою!

Не отрываясь, командир смотрит в бинокль.

Фашисты идут нагло, почти не прячась. Откуда-то попеременно постреливают два их пулемета. Эти пулеметы и пытается в первую очередь засечь лейтенант Ликунов.

Надсадно повизгивают пули, разбивая окна, впиваясь в стены домов. Сыплются на пол известка, осколки стекол. Командир не обращает на это внимания.

— Я начну с толстопузого, который с левого края,— говорит один боец Утягулову.— Видать, тяжело ему носить такой живот, вот он и торопится к своей смерти. Колбасник!

Утягулов в ответ:

— А я выбрал того, что долговязый. Видишь, он посередине. Рукой мащет... Уж не мне ли?!

Обычно отзывчивый на шутку, Ликунов чему-то хмурится. Не моргнув, все ищет в бинокль пулеметное гнездо на вражеской стороне.

— Петрушенко!— обернувшись наконец к бойцам, кричит он.— Нашел-таки я его. Целься в нижнюю часть среднего окна вон того дома...

— Есть, товарищ лейтенант.

— Огонь!

Немцы валяются налево и направо, слышатся душераздирающие крики раненых. Однако те, что уцелели после первых залпов, все еще лезут вперед.

Когда ряды атакующих основательно поределели, гитлеровцы снова в беспорядке стали отходить. Замоккли и оба пулемета, прикрывавшие их. Кажется, лейтенант точно указал ориентиры.

— И эти поджали хвосты, товарищ командир!..

— Цельтесь лучше.

Бойцы добивают отступающих. На весеннем снегу уже немало черных неподвижных фигурок.

— Ну, как прошел второй урок, Утягулов?!

— Отлично, товарищ лейтенант!

Смахнув рукавом на пол осколки стекла с подоконника, Зубай Утягулов наблюдает за улицей. Ликунов через другое окно окликнул бойцов из соседнего дома. Ему жестами объяснили, что все живы. Значит, порядок. Вернувшись на старое место, командир снова взялся за бинокль. Все его внимание

сосредоточено на дальних хатах, откуда могут появиться враги.

— Опять собираются атаковать! Приготовиться.

— Есть приготовиться.

Внезапно в конце улицы из-за построек показались три танка. Машины явно направляются к школе. На всех трех — прицепленные фургоны. Ликунов сразу разгадал уловку: внутри фургонов до поры до времени скрывается пехота. Фашисты рассыпятся цепью, как только приблизятся, а затем, окружив дома, попробуют захватить гвардейцев живыми.

— Черта с два у вас это получится! — шепчет Ликунов.

Когда один из танков почти вплотную подъехал к соседнему дому, оттуда полетели три гранаты. Танк замер. Затаившиеся в фургоне гитлеровцы, повыскакивав, хотят окружить хату. Пригибаясь и прячась, они перебегают вдоль стен.

Утягулов, заметив двоих, срезал их короткой очередью из автомата.

— Молодец! — крикнул ему Ликунов.

— У башкир есть обычай: выручать соседа, когда он в беде, — ответил Зубай.

Однако фашисты настырны. Они так и лезут в соседний дом. Бойцы, высунувшись из окон, расстреливают их почти в упор. И внутри хаты идет стрельба.

— Пытаются отрезать, шакалы! — хмурится Ликунов.

— И к нам приближаются, товарищ лейтенант, — кричит Утягулов.

Фашистский танк все ближе к их дому. Зубай, приготовив связку гранат, выжидающе смотрит на командира:

— Разрешите...

— Давай!

Брошенные Утягуловым гранаты угодили точно под моторную часть танка. От сильного взрыва колыхнулась земля. Мелкие осколки, отскочившие от танковой брони, с визгом ударили по оконным переплетам. Машина задымилась.

Когда вслед за Утягуловым еще одну связку метнул Ликунев, та взорвалась, упав внутри железного фургона. Хоронившиеся там гитлеровцы даже не успели разбежаться. Послышались их истошные вопли:

— Хильфе-е-е!

— Их раненые просят помощи, товарищ лейтенант!— крикнул Зубай.

— Помощи?! Запусти-ка им еще парочку лимонков — «на помощь»!

Утягулов выполнил приказание. После второго взрыва крики прекратились.

В этот момент и третий танк, наступавший на дом слева, вдруг резко дернулся и остановился. Точно сработал снайпер Петрушенко. Он очень ловко попадает в смотровую щель, через которую из танка обозревают дорогу. Выстрел достиг цели и на сей раз. Водитель танка был убит на месте.

А выскочившие из фургона немцы уже оцепили дом.

— Рус, сдавайся! Русланд капут!

На головы фашистов, бежавших не разбирая дороги, одна за другой полетели гранаты.

— Гвардейцы не сдаются!— сквозь зубы выдавил Ликунев.

Лейтенант смотрит на часы. Время к сумеркам.

Как дела в соседних хатах? Высунувшись в окно, Ликунев окликнул находящихся там бойцов. В доме справа никто не ответил. Слева сигнализиру-

ют, что живы только двое. Стало быть, остальные либо ранены, либо погибли. Невеселые итоги...

Спустя четверть часа снова послышался лязг гусениц. На оставшихся в живых гвардейцев фашисты бросили новые силы: опять танки и пехоту.

Вот они! Невдалеке показался нос танка, идущего первым. За ним в улицу выползла еще одна стальная махина, еще... еще... еще... Шесть, семь... двенадцать... четырнадцать! Направление — на хаты, в которых ликуновцы.

— Многовато их, товарищ лейтенант!

— Ничего, Утягулов! Держись крепче. Танки не должны пройти... Четырнадцать — это на каждого из нас по два танка. Не так уж и много.

Неожиданно среди движущихся бронированных громадин стали рваться мины. Ликунув знает, откуда они прилетели. Это Рубцов руководит обстрелом со станции. Он увидел ракету, которой командир роты, условившись, обещал подать знак, когда станет совсем худо. Час этот настал. И вот на фашистские танки со станции посыпался целый град снарядов.

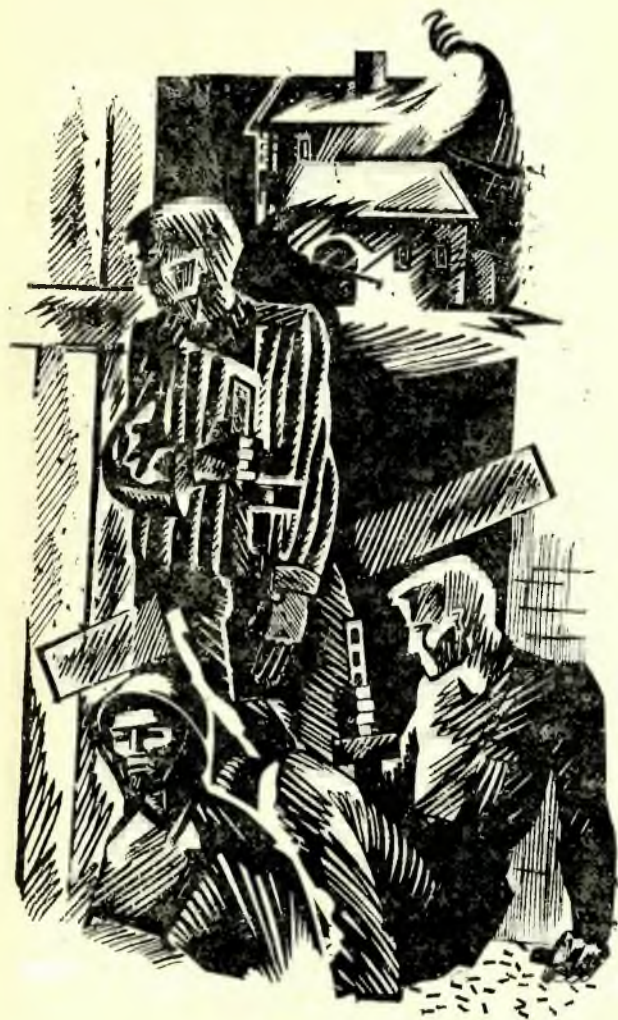
— Молодец, взводный! Вовремя поддержал, — радуется лейтенант. Три танка уже горят факелами.

— Ну, парни, за дело! — командует он. Ликунув всегда так обращается к бойцам, когда предстоит отчаянная схватка. Его слова воодушевляют их.

Еще два из приближающихся к ним танков остановились посреди улицы. Из них к небу ползет черный дым.

— Наступление началось, товарищ лейтенант! Наши идут!..

Утягулов улыбается. Рад и Ликунув. Ему кажется, что еще немного продержаться, и в рядах наступающих гвардейцев он разглядит Рубцова,

которого оставил за себя командовать ротой. В руках взводного целый эшелон немецкого вооружения, чего там только нет!

— Идут, идут! Двинулись, товарищ лейтенант!

— Вижу, Утягулов, вижу!..

Соседний дом слева вдруг охватил огонь. Зубай вздрогнул, поняв, что замыслили гитлеровцы. Они обложили хату, занятую советскими бойцами, соломой и подожгли ее.

Кажется, гансы намерены выкурить нас, как медведей, подумал Утягулов. На всякий случай приготовил гранаты.

Точно: пять или шесть немцев охапками тащат солому к школе.

— Рус, сдавайся! Капут!

Укрываясь за оконными косяками, лейтенант с Утягуловым отстреливаются.

Дом слева уже вовсю охвачен пламенем. Из окон его выскочили два бойца. Прокладывая дорожку прикладами и штыками, похоже, они пробиваются к дому, где их командир. Так по крайней мере кажется Ликунову.

— Держитесь, орлы!— кричит он.

Гитлеровцы валяются от ударов, как подкошенные. Но не отступаются. Видимо, получили приказ захватить гвардейцев живыми. Однако бойцы, те двое, не поддаются. Укрываясь за горящими перед хатой танками, колютседающих фашистов штыками. И что самое странное, совсем не собираются прорываться к школе. Похоже, у них и в мыслях нет уходить...

— Командир!— кричит Утягулов.— И наш дом подпалили!

Одновременно с лейтенантом Зубайдулла кинул гранату в одно из окон. Гитлеровцы, сколько там

их было, попадали в снег. Кое-кто не поднялся больше. Остальные пошли в обход.

Зайдя со двора школы, враги, громыхая сапогами, стреляя на ходу, ворвались в сени. Принялись колотить в дверь прикладами, но та заперта изнутри на крепкий засов.

— Рус! Ви капут! Сдавайса.

На лице Ликунова усмешка:

— Мы еще покажем вам капут. Потерпите, зверюги! Гвардейцы не сдаются. Никогда не сдаются! Школа окружена уже со всех сторон.

Ликунов на наглые вражеские выкрики метнул пару гранат за окно. Фашистов там поубавилось. А те, что ворвались в сени, по-прежнему пытаются взломать дверь, стреляют по засову из пистолетов.

Достав две мины, оказавшиеся у него в запасе, Утягулов вопросительно глянул на своего командира:

— Разрешите, товарищ лейтенант?!

Ликунов кивнул. Он все понял. Зубайдулла заминировал дверь. С этой минуты дороги к отступлению нет. Дом теперь навсегда их. Крепко, по мужски стиснув ладони друг друга, некоторое время стояли они молча. Командир и боец. Это была минута прощания. Нет, рукопожатия было мало. Они обнялись...

— За Россию!..— Ликунов не досказал последнего слова.

— За Россию и за мой Башкортостан!— сказал Утягулов.

— Правильно, Зубайдулла! Мы сейчас на земле Украины. Но должны помнить и про свои родные края. Потому что все это — наша Родина.

— Если бы вы родились в Башкирии, хоть раз увидели красоту Урала, нашей Агидели, и вы бы так сказали, товарищ лейтенант.

— Я верю тебе, Зубайдулла...

Стук и грохот в сенях все сильнее, ожесточенней. Кажется, гитлеровцы решили пробить дверь тараном.

— Можно, товарищ командир?!— спросил Утягулов. Ликунув, обняв его еще раз, поцеловал.

— Теперь можно!— сказал хладнокровно.

Утягулов выдернул из дверей засов и встал рядом со своим командиром. Когда дверь распахнулась, раздался сильнейший взрыв. Дом поднялся в воздух...

Они предпочли геройски умереть, защищая честь и величие Родины, чем сдаться в руки врагов. Погибая, они уничтожили всех тех, кто, как шакалы, рыча и лая, рвались в дом за их жизнями...

Председатель районного исполнительного комитета Исмакаев сегодня не в духе. Все кипит в нем. Как же так: и в обкоме партии, и в совнаркоме — везде давно знают о том, что Зубай Утягулов, парень из аула Бакый Белорецкого района — Герой Советского Союза, а он, председатель, услышал об этом только вчера.

Сняв телефонную трубку, Исмакаев попросил соединить его с райвоенкоматом.

— Алло! Военкомат? Это из исполкома. Выясните, пожалуйста, когда Зубай Утягулов призывался на фронт.

Через некоторое время из военкомата ответили, что такой фамилии среди ушедших на фронт в списках не значится.

Исмакаев резко положил телефонную трубку.

Хотя он и не доволен ответом, в душе все равно рад. Его район со всех сторон на высоте. Дает фронту железо, сталь, чугун. Хлеб дает и масло. Наконец, и свой Герой появился. Вовсе радостная весть.

Председатель поначалу решил, что он узнал новость первым. Позвонил секретарю райкома партии, а тот в ответ спокойно:

— Знаю, знаю. Молодец Утягулов! По этому случаю, товарищ председатель исполкома, необходимо провести несколько практических мероприятий. Пусть все люди узнают, где и как вырос Герой.

— Правильно!

В эту минуту в кабинет вошел районный военком.

Потолковав о текущих делах, он сказал как бы между прочим:

— У нас значится один человек под фамилией Утягулов, однако...

— Пожалуйста, оставьте этот казенный тон,— прервал его Исмакаев.— Речь ведь не о преступнице. Утягулов — герой. Герой! Понимаете? А вы все: значится да считается... Проще говорите. Итак, что дальше?..

— ...Но имя его не Зубай, а Губай, Губайдулла. По причине болезни Губайдулла Утягулов снят с воинского учета.

— А как имя его отца?

— Сын Тухвата,— сказал военком, заглянув в блокнот.

— И у Зубая Утягулова отчество — Тухватович. Губайдулла может быть его братом, имена больно схожи: Губай — Зубай.

Военком кивнул, соглашаясь:

— Очень даже возможно. У башкир имена братьям часто дают похожие...

Неожиданно в кабинет без всякого разрешения вошел председатель Бакыйского сельсовета. У него было какое-то неотложное дело. И он собирался, решив его, тотчас уехать.

— Извиняюсь, я по поводу вчерашнего наряда. Вы обещали рассмотреть вопрос, товарищ председатель.

Исмакаев даже со стула поднялся, воскликнув:

— Говорят же, на охотника и зверь бежит! Я-то думал, ты еще вчера, наверное, уехал. Хорошо, что задержался. Подходи-ка поближе, садись, дорогой.

Председатель сельсовета, честно говоря, удивился, ему невдомек, в чем дело.

— Вот что,— сказал Исмакаев,— ты скажи нам: Утягулова Зубая знаешь?

— Знаю, как не знать. Я его еще пацаном помню. Он же с нашей деревни...

К чему этот разговор, не понятно, думает председатель сельсовета. Действительно, он помнит Зубайдуллу малайкой, сорванцом, который среди своих сверстников днями напролет носился по деревенской улице. Только с тех пор, как Зубай уехал учиться, они не виделись. А приезжал Утягулов очень редко.

Исмакаев чуть не рассмеялся:

— Какой он тебе пацан! Зубай Утягулов герой теперь. Герой Советского Союза. У него самого, говорят, малайка бегаёт, женихом скоро станет. Супруга в Уфе живет. Эх, ты! Из одной деревни, а ничего не знаешь...— И подал лежавшую тут же, на столе, газету.— Вот Указ Президиума Верховного Совета...

Когда председатель сельсовета дочитал Указ, весь вид его говорил: невероятное событие, какая радость, какая гордость для аула, да что там аула — для всего района!

— А Губай Утягулов тоже из вашей деревни?
— Да. Губай его родной брат. Старший только.
— Что я тебе говорил?..— сказал Исмакаев военному.

А председатель сельсовета еще раз перечитал Указ.

— Дайте мне эту газету, увезу домой, в Бакый, а то почта пока дойдет, не дождешься!..

Бакыйский сельсовет находится в пятистенной избе. В одной из комнат — кабинет председателя исполкома. Оформление здесь простенькое. На стенах портреты, большая навесная карта, есть лозунги. У окна аккуратненький стол, покрытый красной материей. Вокруг стола несколько табуреток.

Председатель сельсовета, сам того не замечая, машинально достает из кармана кисет с махоркой, сворачивает сигарку. Затем протягивает кисет колхозному парторгу. С полчаса они уже обсуждают новость:

— Жалко, конечно, парня, слов нет. Что же поделаешь,— продолжил свою мысль председатель сельсовета.— Вот окончилась бы война, Зубай вернулся бы в аул Героем, при орденах. Разве ты или я не радовались бы?! А мать его, вся родня — как бы гордились. Да, пожалуй, не знали бы, в какой из красных углов его посадить!

— Это точно уж...— сказал парторг и, вздохнув, добавил:— Раз война, без жертв не бывает. И все же, по-моему, не нужно о его гибели сразу сообщать бабушке Фаизе...

Парторг еще раз перечитал Указ, опубликованный на первой полосе газеты.

— Эх, Зубай, Зубай! Хороший был парень.

— Ладно, о смерти его сообщим попозже. Надо подготовить старушку к этому.

— А о том, что он удостоен звания Героя, сказать немедленно, сейчас же! Это будет для всего аула большой праздник. Партия и правительство помогут его матери и жене. Супруга Зубая в Уфе, наверное, уже знает. А у бабушки Фанзы еще один сын, так что есть на кого опереться. И здоровье у нее еще сносное. У других бывает и хуже: единственный сын гибнет. Так надо объяснить. Все-таки утешение...

Бабушка Фанза поутру возилась на кухне с чугунками, когда к ней заявились гости — председатель сельсовета и секретарь. Председатель с порога вскрикнул:

— Хойенсе, Фаиза-енге *, радость! Ну, что обещаешь за новость?!

Занимавшаяся домашними делами, хозяйка избы даже растерялась. Она так и застыла у печки, держа в одной руке чугунок, в другой — мочалку. Ей в голову сразу же пришла мысль о Зубае: уж не приехал ли?

Бабушка Фаиза не знает, что и ответить. Не часто к ней в дом заходят такие гости. Наконец решила: звания званиями, а и поздороваться бы председателю не грех... о здоровье узнать... —

Словно догадавшись, тот исправился:

— Здорова, Фаиза-иняй! Как жите-бытье?

— Здорова, здорова. Выкладывайте свою новость. За мной не станет, ежели что...

Председатель с секретарем улыбаются, глядя друг на друга.

* Х о й е н с е — возглас, означающий, что гонец принес радостное известие. Е н г е — сноха (жена старшего брата); в широкоупотребительном значении — форма обращения к женщине, старшей по возрасту (башк.).

— Твой сын — герой, Фанза-енге!

— Зубайдулла теперь стал героем!

И развернув газету, протягивают ей.

— Атак! Это еще что будет? Командир, что ли?

— Нет-нет, не совсем командир. Он — герой. Герой Советского Союза! Вот, если не веришь, прочитаем Указ. Слушай.

Секретарь развернул газету на столе и прочел:

— За выдающиеся заслуги в борьбе против немецко-фашистских захватчиков присвоить звание Героя Советского Союза... гвардии красноармейцу Утягулову Зубаю. Вот и подписи. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин. Москва. Кремль. 31 марта 1943 года.

— Вот все это здесь сказано. Утягулову Зубаю. И фамилия написана.— Держа газету, секретарь сельсовета пальцем показывает набранные строки Указа.

— Да мне, слепой, что смотри, что не смотри,— сказала бабушка Фанза.— Видно, в самом деле так написано. А когда, сказано, приедет-то?..

— Не сообщают этого,— ответил секретарь. И отвернулся.

А председатель, подумав немного, успокоил:

— Как только добьет фашистов, так и вернется.

— Ну, а кто он будет, раз награда такая?..

Секретарь сельсовета стал разъяснять:

— Герой — это очень большой человек. Это значит молодец. Сокрушитель врагов. Как бы еще сказать... О Салавате-батыре слышала? Вот такой же храбрец, герой на всю страну.— Секретарь вдруг хлопнул себя по левой стороне груди:— А вот здесь у того, кто Герой, вот тут, орден Ленина, а рядом с ним Золотая Звезда. Их дают только тем, кто на-

стоящий герой. В Белорецком районе таких людей всего несколько.

Слушая его, засуетилась старушка, стала подсыпать горящих углей в самовар...

— Нет, нет, енге!— заторопились вдруг гости.— У нас дел на сегодня много. И все спешные. Мы уж пойдем. Оставайся здорова.

И они ушли.

А бабушка Фаиза от радости ни дать ни взять как ребенок. Раз пришла о сыне такая радостная весть, решила хоть близких созвать. Сбив тут же сливок, пригласила па чай старшего сына со снохой, сваху, соседок.

— Милости просим, проходите! День-то нынче какой — дожила до него...— воркует старушка.

Усадив гостей — кого на хике, кого на стулья — бабушка Фаиза сказала:

— Дала я обет, если придет от Зубая весточка, собрать вас на чай. Вот и собрались. Угощайтесь, дорогие гости. Ешьте, пейте. Небольшое угощение, не обессудьте.

— Спасибо, спасибо, всего хватит. Дай тебе алла благополучия.

— Нарadowаться не можем, что сын твой стал большим человеком.

Гости хвалили Зубая, желали всяческих благ.

— Ведь совсем молоденьким учиться ушел, и вот поди ж ты...

— Пятнадцать ему было вроде... Ой, что говорю, четырнадцать исполнилось! Именно так. Муж мой тогда лыко заготовлял на озере Турыбиябаткан*... В тот день Зубай и родился,— вспомнила бабушка Фаиза.

* Турыбиябаткан — название озера. В буквальном переводе означает: «Где утонула гнидая кобыла».

— Встретишь, бывало, когда он приезжал, о здоровье расспросит обязательно. Очень был приветливый...

— Пусть будет опорой тебе в старости...

— А главное — возвращается пусть живым и невредимым...

Каранелга
1943, сентябрь

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ *

Свет души и героизм — сродни.
Высшей красоте равны они.
С автоматом, сквозь огонь и дым,
Это нам Зубай кричит, живым:
— Эй, друзья!

Свинцовые метели,
Ад боев и смерти круговерть
Нас не сбили с ног, не одолели!
И погибнув, мы попрали смерть...

Х. Карим

Давно мечтал я побывать в тех краях, где погиб Герой Советского Союза Зубай Утягулов. Хотелось встретиться с очевидцами тех боев, свидетелями бессмертного подвига нашего земляка и его боевых

* Джалиль Кйекбаев написал свой очерк в 1943 году, то есть сразу по горячим следам событий. Многие подробности подвига Зубая Утягулова и его однополчан долгое время оставались неизвестны. С годами эти подробности были прояснены. Многие сделано по увековечиванию светлой памяти героев. Об этом рассказывают записи журналиста Ханифа Сафина.

Памятник 13 воинам-героям на станции Красновка Ростовской области.

друзей. И вот несколько лет тому назад случай такой представился. После участия в семинаре работников оборонного общества СССР в Волгограде я поехал на станцию Красновка Ростовской области.

В Красновке познакомился с начальником станции Василием Ивановичем Родиным, с заведующей музеем тринадцати Героев Советского Союза Верой Александровной Мясниковой, встретился с комсомольцами и пионерами. Сначала мы возложили цветы на могиле героев, потом мне показали поселок.

Давно исчезли здесь воронки от бомб и снарядов, на широких улицах сплошь кирпичные дома, один красивее другого. В садах цветут сливы, абрикосы, вишни, яблони. Словом, от разрушений, оставленных когда-то войною, и следа не видно. Но память о тех грозных годах — жива.

Василий Родин, нынешний начальник станции, своими глазами видел последний бой, в котором погибли Зубай Утягулов и его товарищи. Вот что рассказал очевидец:

— Это было примерно в середине января 1943 года. На Дону стояли сильные холода. В степи постоянно ветер со снегом. Войска Юго-западного фронта под командованием генерала Ватутина с тяжелыми боями продвигались на запад, непрерывно атакуя фашистов, пытавшихся идти на выручку своим армиям, которые попали в окружение под Сталинградом.

Намереваясь сдержать наступление советских войск, гитлеровцы создали на станции Красновка почти непроходимый оборонительный рубеж. Поселок за станцией они окружили «ледяным валом» четырехметровой высоты, наморозив снег вперемешку с соломой. За валом растянули вкруговую колючую проволоку в несколько рядов. Оборона это-

го рубежа была поручена немецким командованием испытанной в боях эсэсовской дивизии.

На рассвете 15 января рота гвардии лейтенанта Ликунова начала разведку боем со стороны деревни Волошино. Где набросив на колючую проволоку шинели, где перерезав ее, бойцы под сильным минометным обстрелом преодолели первую оборонительную линию. Гранатами разрушив в нескольких местах «ледяной вал», ворвались в поселок.

Когда гвардейцы заняли три крайних дома, от роты в живых осталось тринадцать человек. Среди них два офицера, три младших командира и восемь солдат.

Зубай Тухватович Утягулов среди бойцов роты имел большой авторитет, слыл самым опытным и образованным воином. До отправки на фронт он работал директором школы в деревне Юлдаш Мелеузовского района Башкирии.

Фашисты не заставили себя долго ждать, продолжал свой рассказ В. И. Родин.

Сначала они обстреляли из минометов те дома, что захватили гвардейцы. Затем гитлеровцы численностью до роты атаковали смельчаков. Их офицер крикнул:

— Рус, едавайся! Рус капут!

— Гвардейцы или побеждают, или со славой погибают!— ответили герои.

Бой длился целые сутки. Горстка советских бойцов отразила полтора десятка атак врага, уничтожила четыре танка. Около двухсот трупов фашистских солдат и офицеров осталось лежать в снегу на подступах к позициям, занятым гвардейцами. Поняв, что живыми они не сдадутся, эсэсовцы облили дома керосином и подожгли их.

В загоревшейся одежде, с окровавленными лицами из огня выскочили гвардии сержант Кимеряй

Здесь похоронены воины
130-го гвардейского стрелкового полка
4 гвардейской стрелковой дивизии, павшие
смертью храбрых при освобождении стан-

Красновка от немецко-фашистских
захватчиков в феврале 1943 года:

Лейтенант Лихунов Иван Сергеевич

мл. лейтенант Седов Иван Васильевич

сержант Васильев Владимир Александрович

сержант Севрюков Николай Александрович

мл. сержант Кубаняев Кимлай

рядовой Котов Евгений Петрович

— — Курбаев Афанасий Афанасьевич

— — Нумеровский Николай Николаевич

— — Полухин Иван Андреевич

— — Поляков Константин Илларионович

— — Сирий Николай Иванович

— — Тарасенко Иван Иванович

— — Утягулов Зубай

Указом Президиума Верховного Совета СССР

от 31 марта 1943 года им посмертно

присвоены звания Героев

Советского Союза.

Мемориальная доска с фамилиями погибших героев.

Кубакаев и Николай Севрюков. Заколов штыками нескольких гитлеровцев, они бросились в самую гущу врагов и героически погибли в неравной рукопашной схватке.

— Гвардейцы никогда не сдаются!— крикнул Зубай Утягулов и бросил в эсэсовцев последнюю гранату.

В это время пламя охватило дом, в котором был Зубай. Едкий дым мешал дышать. А из огня вдруг раздалась песня...

130-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника Тимакова несколько раз атаковал станцию, однако ответный артиллерийский огонь врага не давал возможности расширить наступление. Лишь с помощью задержавшейся на другом участке боя и подошедшей к этому часу тяжелой дивизионной артиллерии оборонительные укрепления фашистов были уничтожены. Но когда советские бойцы вошли в Красновку, помощь уже запоздала...

Гвардейцы бережно уложили в гробы обуглившиеся останки героев-однопольчан. Проводить их в последний путь собрались местные жители из соседних деревень, железнодорожники. Над степью прозвучала клятва боевых товарищей:

— Мы отомстим за вас! Смерть врагу! За Родину, вперед!

31 марта 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героев Советского Союза тринадцати храбрецам, в том числе учителю из Башкирии Зубаю Тухватовичу Утягулову и марийцу Кимеряю Ибашевичу Кубакаеву.

Василий Иванович Родин — старожил поселка, родился и вырос там. От рук фашистов погибли его отец, мать и две сестры.

Как только фронт отодвинулся на запад, Родин задумал создать на месте гибели гвардейцев музей в честь их подвига. Вместе с комсомольцами поселка ему удалось собрать на поле боя оставшееся оружие, личные вещи героев. Среди них особую ценность имеет алюминиевый солдатский котелок. Острием штыка на нем начерчено: «Остались живы только двое. Идут танки, Зубай».

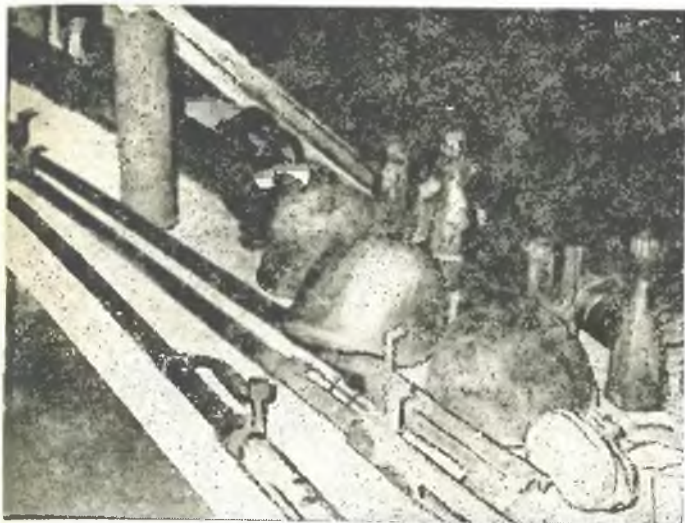
Со временем к музею тринадцати Героев Советского Союза в поселке добавилась аллея, посаженная в их честь, на могиле гвардейцев перед вокзалом установлен памятник с мемориальной плитой. В день открытия музея в Красновку приезжали родные погибших, в митинге участвовал маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко.

Много сил отдала музею, пополнению его новыми экспонатами также заведующая Вера Александровна Мясникова.

Музей состоит из трех залов.

Один из них полностью отдан под экспонаты, свидетельствующие о героизме бойцов роты лейтенанта Ликунова из 130-го стрелкового полка 44-й Краснознаменной гвардейской дивизии. Здесь размещены фотографии героев, последние их письма родным, документы, оружие, каски и другие личные вещи.

Жители Красновки бережно хранят светлую память о подвиге тринадцати гвардейцев. На постаменте памятника круглый год цветы. Множество цветов посажено в аллее Героев. Здесь принимают школьников в пионеры, вручают девушкам и юношам комсомольские билеты. Здесь же уходящие служить в ряды Советской Армии клянутся на верность родному краю. Поезда, проходящие мимо братской могилы на станции Красновка, подают

Некоторые личные вещи героя, хранящиеся в местном музее.

гудки. Это не простые сигналы. Так машинисты тепловозов чтят память погибших.

Установлена мемориальная доска и в ауле Бакый на доме, где родился Зубай Утягулов. Его именем названа местная школа. В музеях республики помещены его фотоснимки, хранятся последние письма. В Калтасинском районе установлен памятник Кимеряю Кубакаеву.

Герои не умирают! Они живут в сердцах людей, в легендах, в песнях, в славных делах пятилеток.

К. Сафин

Киекбаев Д. Г.

К-38 Зубай Утягулов. Очерк. Перевод с башкирского С. Воробьева. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. — 64 с.

Очерк об уроженце Башкирии Герое Советского Союза Зубае Утягулове.

К $\frac{4803010200 - 68}{M 121 (03) - 87}$ 138 — 87

Для старшего и среднего
школьного возраста

Джалиль Гиниятович Киекбаев

Зубай Утягулов

О черк

Редактор *Н. Грахов*
Художник *С. Астраханцев*
Художественный редактор *В. Ковалев*
Технический редактор *Г. Даугова*
Корректор *О. Гилязетдинова*

ИБ № 3384

Сдано в набор 26.11.86. Подписано к печати 20.01.87. Формат бумаги $70 \times 100 \frac{1}{16}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услови. печ. л. 2,58. Усл. кр. отт. 2,82. Учетн.-издат. л. 2,28.

Тираж 50 000 экз. Заказ № 839.

Цена 5 коп.

Башкирское книжное издательство.
450000, Уфа-центр, Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

5 к.

Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человечества.

Юлиус Фучик

Герои Советского Союза